

На правах рукописи

Янковская Аглая Алексеевна

**Историко-этнографические сюжеты в средневековых
арабских источниках по малайско-индонезийскому региону**

Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2016

Диссертация выполнена в отделе этнографии Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН.

Научный руководитель:

Главный научный сотрудник отдела этнографии Австралии, Океании и Индонезии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН, доктор исторических наук Елена Владимировна Ревуненкова

Официальные оппоненты:

Захаров Антон Олегович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Дьяков Николай Николаевич, доктор исторических наук, заведующий Кафедрой истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Ведущая организация:

Кафедра этнографии и антропологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Защита состоится 27 июня 2016 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамере) РАН по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) РАН и на сайте <http://www.kunstkamera.ru>.

Автореферат разослан мая 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

М. Е. Резван

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы.

Сообщения средневековых арабских авторов о Малайском архипелаге и Малаккском полуострове служат ценным историко-этнографическим источником. Арабские путешественники посещали порты региона с первых веков ислама, и их присутствие оставило заметный след в его истории и культуре. Дошедшие до нас свидетельства имеют важнейшее значение для изучения таких средневековых государственных образований, как Шривиджайя и торговые города-государства Северной Суматры и Малаккского пролива. Эти тексты отражают процессы исламизации малайского мира и развития международной морской торговли в бассейне Индийского океана, а также длительную историю контактов между двумя регионами – Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией. Отношения со странами арабского мира продолжают играть немало важную роль в политической и культурной жизни современных Индонезии и Малайзии, что делает подобного рода исследование ценным для изучения не только прошлого, но и настоящего.

Научная актуальность представленной работы обусловлена необходимостью как можно более полного освоения того материала по истории и этнографии малайского мира, который содержит средневековая арабская литература. Рассматриваемые тексты не только служат источником исторических сведений о регионе, но отражают также и представления арабов о нравах и обычаях населявших его народов. Этнографический дискурс в арабской культуре средневековья остается малоизученным и лишь в последнее время начинает привлекать все больше внимания исследователей. Вопрос о месте малайских народов в арабской картине мира до сих пор не становился предметом специального рассмотрения. Таким образом, настоящая работа представляется актуальной для изучения истории и культуры не только малайско-индонезийского ареала, но, в определенной степени, и Ближнего Востока.

Диссертация выполнена в рамках одного из традиционных направлений исторической науки – этнографического источниковедения – и предполагает введение в научный оборот некоторых малоизвестных текстов, а также мало используемых с этой точки зрения фрагментов широко известных произведений. Несмотря на то, что ни одно исследование по средневековой истории и исторической географии малайско-индонезийского региона не обходится без обращения к арабским источникам, значительный объем содержащихся в них материалов еще не введен в научный оборот. В отечественной науке обобщающих работ о значении арабских свидетельств о малайском мире до сих пор не было, а посвященных этой теме зарубежных исследований не так много. Представленная диссертация ставит своей целью в определенной степени заполнить этот пробел в изучении историко-культурных связей между двумя регионами.

Объектом настоящего исследования выступает корпус средневековых арабских текстов преимущественно географического содержания, служащий источником сведений о Малайском архипелаге и Малаккском полуострове. **Предметом** его являются те историко-культурные реалии малайского мира, которые описывают арабские авторы, а также этнографические представления средневековых арабов о народах региона. **Хронологические рамки** работы охватывают период с IX по XIV в., но, поскольку некоторые явления средневековья сохранились и в последующие эпохи, автор по возможности обращается и к более поздним источникам.

Целью работы служит выявление и интерпретация историко-этнографического материала, содержащегося в арабских описаниях малайско-индонезийского региона. В связи с этим были выделены следующие **задачи**:

- Определить историко-экономический, социальный и культурный контекст проникновения сведений о регионе в арабскую литературу рассматриваемого периода;
- Систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении тексты, отобрать актуальные для данного исследования фрагменты и при необходимости выполнить их переводы;
- Выделить и прокомментировать представленные в них историко-этнографические сюжеты на основе соотнесения их с другими письменными и этнографическими источниками;
- Выявить закономерности и характерные черты в арабских описаниях малайского мира и его народов.

Степень изученности.

В отечественной науке существует опыт перевода и изучения средневековых арабских текстов в качестве историко-этнографического источника по Африке¹ и другим регионам, однако арабские источники по Юго-Восточной Азии до сих пор не становились предметом специального исследования. На русском языке не существует сборника средневековых арабских текстов, посвященных малайско-индонезийскому региону, а из двух обобщающих западных исследований по этой теме ни одно не содержит полного свода известных источников. Необходимые материалы, включая как сами тексты, так и комментарии их исследователей, остаются разбросанными по многочисленным изданиям. Многие из них доступны лишь в западноевропейских переводах, нередко весьма фрагментарных. Недостаточно изученным остается также фактологическое содержание арабских описаний региона. Внимание обращавшихся к ним исследователей направлено, преимущественно, на вопросы исторической географии и топонимики Юго-Восточной Азии, а также на факты политической и экономической истории, в то время как богатый материал этнографического характера нередко оставляют без внимания.

¹ Древние и средневековые источники по этнографии и истории народов Африки южнее Сахары. Т. 1-4. М.-Л.: Издательство АН СССР / Восточная литература, 1960-2002.

Методологической основой представленной работы является комплексный подход к изучению средневековых арабских текстов, включающий применение методов историко-сопоставительного анализа этнографического и географического материала и использование разработанных в международной науке практических и теоретических принципов работы с источниками.

Научная новизна работы заключается во введении в научный оборот малоизвестных и малоизученных средневековых арабских текстов, имеющих отношение к малайско-индонезийскому региону. Многие из них впервые представлены в переводе на русский язык и интерпретированы с этнографической точки зрения. Представленное исследование может стать шагом к созданию свода средневековых арабских источников по истории и этнографии Малайского архипелага и Малаккского полуострова и внести, таким образом, свой вклад в существующую источниковедческую базу фундаментальных исследований. В работе также впервые ставится проблема места малайских народов в средневековом арабском этнографическом дискурсе, открывающая широкое поле для дальнейших исследований.

Теоретическая значимость диссертации обоснована тем, что в ней были собраны, переведены и систематизированы средневековые арабские тексты, составляющие источниковедческую базу для исследований истории и культуры малайско-индонезийского региона и вносящие вклад в расширение знаний о контактах между Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией в средние века. Историко-этнографическое содержание текстов было проанализировано с применением методов источниковедения и привлечением широкого круга письменных и этнографических источников. На основе проделанного анализа были сделаны выводы о закономерностях в арабских описаниях региона, соотношении в них фактов и художественного вымысла, а также представлениях средневековых арабов о культуре малайских народов.

Практическая значимость. Материалы, представленные в диссертации, а также само диссертационное исследование способны дополнить имеющиеся в учебных пособиях сведения о древней и средневековой истории, культуре и быте малайско-индонезийского региона, а также арабском восприятии культуры других народов. Работа может расширить источниковедческую базу, лежащую в основе лекционных курсов по зарубежной этнографии и истории стран Юго-Восточной Азии и арабского мира в высших учебных заведениях, и представляет собой готовый материал для курса лекций на соответствующую тему.

Основные положения, выносимые на защиту.

1) Арабские источники IX-XIV вв. содержат значительный объем историко-этнографических материалов по малайско-индонезийскому региону. Большая часть информации в них восходит к IX-X вв.

2) Представления средневековых арабов о малайских народах формировались на основе как свидетельств путешественников, так и универсальных культурных стереотипов. Если в классическую эпоху арабской литературы население региона смешивали с другими группами, то к концу рассматриваемого периода происходит выделение их в отдельную этническую общность.

3) Единственным оригинальным арабским свидетельством после XI в. являются сообщения Ибн Баттуты. Тем не менее, ряд фактов указывает на то, что часть сведений в них могла быть заимствована из других источников.

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии и приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются цель и задачи представленного диссертационного исследования, его актуальность, хронологические рамки и новизна, описывается структура работы, а также дается историографический обзор и оценивается степень изученности вопроса. Несмотря на то, что историки средневековой Юго-Восточной Азии всегда опирались на арабские свидетельства, а исследователи арабских текстов стремились интерпретировать встречавшиеся им описания региона, обобщающих исследований по интересующей нас теме не так много. Одной из первых работ, содержащих обзор арабских источников по Китаю и Юго-Восточной Азии, в том числе и малайско-индонезийскому региону, был двухтомный труд британского востоковеда Г. Юля². Важным шагом в изучении вопроса стало появление работы крупнейшего французского арабиста Г. Феррана³, которая не утратила своей актуальности и по сей день. В двухтомном издании были собраны фрагменты известных на тот момент арабских, персидских и турецких текстов VIII-XVIII вв., посвященных Китаю, Индокитаю и Индонезии.

В 1956 г. вышла статья Дж. Р. Тиббетса⁴, посвященная сообщениям арабских географов о Малаккском полуострове, а в 1961 г. – книга П. Уитли⁵, охватившая не только арабские, но также и другие внешние источники. Обзор арабских описаний полуострова в последней работе был основан на рукописи еще не изданной на тот момент книги Дж. Р. Тиббетса, однако, используя собранные последние тексты, П. Уитли зачастую расходится с ним в интерпретации

² Yule H. Cathay and the Way Thither. Vol. I-II. London, 1866.

³ Relations de voyages et texts géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIII-e au XVIII siècles / Traduits, revus et annotés par G. Ferrand. T. I-II. Paris, 1913-14.

⁴ Tibbetts G. R. The Malay Peninsula as known to the Arab geographers // Malayan Journal of Tropical Geography, vol. 9, 1956. P. 21-60.

⁵ Wheatly P. The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula before A. D. 1500. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1961.

географических названий. Книга Дж. Р. Тиббетса увидела свет в 1979 г., и стала наиболее авторитетным исследованием в своей области⁶. Помимо упомянутых работ, существует множество статей, посвященных различным вопросам исторической географии Юго-Восточной Азии и затрагивающих проблемы идентификации средневековых арабских топонимов. Без обращения к арабским источникам редко обходятся многочисленные исследования по средневековой истории малайского мира, арабского мореплавания и торговых связей в бассейне Индийского океана, а с проблемой интерпретации рассказов об Архипелаге неизбежно сталкиваются исследователи и переводчики отдельных произведений арабской географической литературы. Таким образом, интересующей нас проблематики касаются исследователи самых разных областей истории и культуры Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, однако немногие из них учитывают весь корпус арабских свидетельств о малайском мире.

На сегодняшний день важнейшим исследованием арабских источников по малайско-индонезийскому региону остается книга Дж. Р. Тиббетса, который первым выделил арабские свидетельства о Юго-Восточной Азии, оставив описания Индии и Китая за рамками исследования. Географически выбранная им область охватывает все пункты между Андаманскими островами, Чампой и Камбоджей, но не включает Бирму. Дж. Р. Тиббетс обращается к тем же текстам, что и Г. Ферран, дополняя их немногими изданными позднее. Каждый источник он подвергает критической оценке, рассматривая его в контексте общей арабской географической и литературной традиции, прослеживая историю текста и определяя источники заимствований. Исследователь делит арабские источники по Юго-Восточной Азии на две основные группы – классические тексты 850-1350 гг. и мореходные руководства XV-XVI вв., а также выделяет пять их категорий по жанровому признаку: (а) рассказы путешественников, (б) географические трактаты, (с) разделы в исторических трудах, (д) медицинские работы и (е) мореходные руководства. Группы (а) и (е) являются, по мнению Дж. Р. Тиббетса, важнейшими и первичными, все же остальные тексты вторичны и восходят к источникам типа (а) – рассказам путешественников.

Исследователь также задается вопросом о том, какое место занимала Юго-Восточная Азия в арабской географической традиции, и прослеживает историю изменения арабской карты мира и ее юго-восточного сектора. По мнению Дж. Р. Тиббетса, существовало три различных концепции топографии региона: (а) птолемеевская концепция, восходящая ко II в. н. э., (б) классическая арабская концепция (VIII-X вв.) и (с) современная концепция, получившая развитие в поздних трудах по навигации. Вторая концепция является уникальной для арабской литературной традиции и охватывает период, для которого арабские тексты остаются единственным

⁶ Tibbetts G. R. A Study of the Arabic Texts Containing Material on South-East Asia. Leiden; London: Brill, 1979.

источником. В книге Дж. Р. Тиббетса собраны отрывки из сочинений 32 авторов, имеющие отношение к Юго-Восточной Азии. Однако исследователь часто опускает менее важные, на его взгляд, фрагменты, ограничиваясь их кратким пересказом, а также избегает повторения сюжетов, заимствованных из более ранних источников. Если последнее оправдано и говорит о проделанной им работе по сличению текстов, то оценка важности отдельных рассказов не может не быть субъективной (так, опущенными нередко оказываются интересующие нас этнографические сюжеты). Работу Дж. Р. Тиббетса нельзя, таким образом, считать полным собранием арабских источников по Юго-Восточной Азии, но так или иначе она остается важнейшей в своей области.

Обосновывается сужение хронологических и географических рамок настоящего исследования по сравнению с книгой Дж. Р. Тиббетса. Географически область исследования исключает материковую Юго-Восточную Азию кроме Малаккского полуострова, а также Андаманские и Никобарские острова. Хронологически работа охватывает тексты начиная с сер. IX в. (к этому времени относятся самые ранние из дошедших до нас свидетельств) по XIV в. Выбор верхней границы обусловлен тем, что XIV в. датируются последние из источников, принадлежащие к классической описательной географической традиции, которая выступает основным объектом исследования. Несмотря на то, что число источников было ограничено, остальные тексты были переведены в более полном объеме, а их содержание более детально прокомментировано. Также, по сравнению с работами Дж. Р. Тиббетса и других, был смещен фокус исследования – основное внимание уделяется историко-этнографическим сюжетам, а не исторической географии Юго-Восточной Азии, т. е. рассматривается не только комплекс географических представлений средневековых арабов о регионе, но и их этнографическая составляющая.

В **первой главе** «Ближний Восток и Юго-Восточная Азия в средние века» дается исторический очерк развития контактов между двумя регионами и социокультурных процессов, обусловивших появление в арабской литературе сведений о малайском мире. Отмечается роль морских торговых путей в установлении этих контактов и их дальнейшем преобразовании из чисто торговых отношений в культурное взаимодействие, повлекшее за собой постепенную исламизацию Малайского архипелага и Малаккского полуострова. Малайско-индонезийский регион лежал на пути ближневосточных торговцев в Китай, но привлекал их и как источник собственного ценного товара – пряностей и благовоний. Подчеркиваются такие отличительные черты арабского мореплавания в восточной части Индийского океана, как его преимущественно мирный характер и зависимость от муссонов. То обстоятельство, что корабли не успевали достичь Китая с летним муссоном, способствовало превращению Малаккского пролива в место встречи купцов с востока и запада. Знакомство арабов с регионом ограничивалось, в основном,

его западной частью – Суматрой и Малаккским полуостровом, где пересекались торговые пути и куда стекались товары с восточных островов Архипелага.

Процесс торгового и культурного взаимодействия между Ближним Востоком и Юго-Восточной Азией освещается в работе начиная с первых свидетельств о появлении арабов в малайских водах, которые датируются VII в. и содержатся в китайских источниках. Есть основания полагать, что торговые связи между западными и восточными берегами Индийского океана существовали задолго до этого, но в то же время существует мнение, что знакомство арабов и персов с малайским миром долго оставалось опосредованным и ограничивалось отдельными контактами в портах Индии и Цейлона. Персидские экспедиции в Китай, возводимые к Сасанидскому периоду, продолжились и под властью халифов, а после VIII в. торговля с Китаем и Юго-Восточной Азией перешла в руки арабов. VIII-IX вв. ознаменовались подъемом торговых отношений халифата с Дальним Востоком, совпадающим с периодами господства Аббасидов (750-870) на западе и китайской династии Тан (618-907) на востоке. Восстание 879 г. в Гуанчжоу на время сократило маршруты арабских судов до Малаккского пролива, но уже к началу правления династии Сун (960-1279) торговые связи Китая с Ближним Востоком были восстановлены.

В главе обрисовывается также историческая обстановка в западной части Архипелага в рассматриваемый период. На протяжении значительной части средневековья важнейшим государственным образованием региона была буддийская империя Шривиджайя с центром на Восточной Суматре. В VII-VIII вв. она подчинила основные порты Суматры и Малаккского полуострова, после чего в течение нескольких веков контролировала Малаккский и Зондский проливы и владела торговой монополией в регионе. В IX-X вв. – период активизации арабских торговых экспедиций в Юго-Восточную Азию, совпадающий с подъемом и упадком Аббасидов – Шривиджайя переживала расцвет, нашедший отражение в свидетельствах многих арабских авторов. Рассказы о богатстве островной империи встречаются повсеместно в источниках этого времени и цитирующих их позднейших текстах, так что отголоски ее могущества сохраняются в арабской литературе вплоть до позднего средневековья. Постепенный распад Шривиджайи начался после XI в. и завершился к XIV в., ознаменовавшемся экономическим подъемом и исламизацией ее бывших вассалов – торговых городов-государств Северной Суматры. Расцвет одного из них – султаната Самудра-Пасай – пришелся на время визита Ибн Баттуты, оставившего о нем свидетельства.

Особое внимание в главе уделяется колонизации малайско-индонезийского региона выходцами с Ближнего Востока и социальному составу посещавших его путешественников. Переселение и визиты арабов и персов на Архипелаг, за редкими исключениями, были связаны с торговыми интересами. Мусульманские торговцы создавали вдоль основных морских путей

поселения, склады для товаров и якорные стоянки, население которых было отчасти временным, отчасти постоянным. Социальный состав выходцев с Ближнего Востока, посещавших Малайский архипелаг и Малаккский полуостров, был представлен купцами, профессиональными моряками и образованными правоведами. Последние стали часто появляться там лишь в позднее средневековье, когда утверждение в регионе молодых мусульманских государств породило спрос на их услуги. Именно путешественникам мы обязаны тем сведениям о малайском мире, которые содержит средневековая арабская литература, однако до нас не дошло почти ни одного его описания, составленного непосредственным очевидцем. Скорее всего, большая часть информации о регионе ходила в устной форме и так и не была записана, а из того, что было, сохранилось немного. Поэтому сегодня можно говорить лишь о тех знаниях о малайском мире, которыми располагали географы и литераторы Ближнего Востока и их аудитории.

Вторую главу «Средневековые арабские источники по малайско-индонезийскому региону» составляют два параграфа, содержащие обзор и характеристику текстов, легших в основу работы. Свидетельства арабских авторов освещают расцвет и упадок Шривиджайи, распространение ислама в регионе и появление первых мусульманских государств, возвышение и закат Маджапахита и Малаккского султаната. Подчеркивается важнейшее значение арабских источников для изучения раннего периода в малайской истории, предшествующего активизации контактов с Европой и Китаем и развитию в регионе собственной исторической традиции. Большая часть неарабских письменных свидетельств об островной Юго-Восточной Азии относится к эпохе позднего средневековья – европейские путешественники начали посещать ее с XIII в., китайцы достигли Архипелага позже арабов и персов и стали активно плавать в восточных водах только после X в., а первые малайские исторические хроники – «Повесть о раджах Пасая» (Хикайят раджа-раджа Пасай) и «Малайские родословия» (Седжарах Мелайю) – относятся к XIV-XV вв.

Первый параграф главы посвящен текстологическим и литературным особенностям рассматриваемых источников. Упоминания о регионе можно найти в более чем 30 текстах различного характера – художественных произведениях, географических, астрономических, исторических и медицинских трудах. Весь корпус источников классифицируется по двум основным признакам – хронологически и с точки зрения жанровых особенностей. Однако и та, и другая классификации сопряжены с рядом сложностей и достаточно условны, поскольку ни точная датировка текстов, ни четкое разграничение жанров средневековой арабской литературы часто не представляются возможными. Особое внимание в этой части работы уделяется литературным особенностям рассматриваемых сочинений, которые нельзя не учитывать при обращении к ним

как к историческому источнику. Выделяются такие их характерные черты, как компилятивность и отсутствие четкой грани между достоверными свидетельствами и вымыслом.

Почти все без исключения тексты представляют собой компиляции, основанные как на устных, так и на письменных источниках. Географы опирались как на современные им, так и на устаревшие работы, а также на греческие и индийские тексты, датируемые не позднее первых веков н. э. В арабской литературе пассажи о Юго-Восточной Азии часто повторяют друг друга, а обширные цитаты из более ранних работ приводятся без ссылок на первоисточник. Поэтому время создания текста далеко не всегда позволяет датировать содержащиеся в нем сведения. Пролить свет на проблему датировки арабских сообщений о малайском мире позволяет работа по оценке подлинности текстов и прослеживанию цепочек заимствований, однако не всегда существует возможность установить первоисточник, поскольку многие работы, на которые ссылаются более поздние авторы, безвозвратно утеряны или сохранились в сокращенной версии.

Компилятивный характер подавляющего большинства арабских источников по малайско-индонезийскому региону имеет непосредственное отношение не только к проблеме датировки содержащегося в них материала, но и к вопросу об авторстве географических сочинений. Можно выделить три основных способа создания географических текстов – описание собственных наблюдений, запись устных рассказов с чужих слов и копирование или пересказ фрагментов из письменных источников. В своих работах географы могли сочетать все эти методы. Полученный текст в дальнейшем подвергался сокращениям и дополнениям, цитировался в других произведениях, а также искажался в процессе переписки. От ошибок переписчиков страдали, в первую очередь, незнакомые им неарабские слова – малайские термины и топонимы часто предстают в арабских текстах искаженными до неузнаваемости. Таким образом, дошедший до нас письменный источник следует рассматривать не как произведение того или иного автора, а скорее как коллективную работу, вклад в создание которой внесли многочисленные соавторы – рассказчики, редакторы и переписчики, часто не знакомые друг с другом и жившие в разные эпохи. В англоязычной литературе для характеристики этого явления существует такое понятие, как «распределенное» авторство (*distributed authorship*), включающее в себя всевозможные схемы распределения авторских функций между несколькими участниками создания текста.

В главе обрисовываются также сложности, сопряженные с жанровой классификацией рассматриваемой группы источников. Большую часть арабских текстов, содержащих сведения о регионе, можно отнести к категории географической литературы – как совокупности различных жанров, в какой-либо мере связанных с географией⁷. Средневековую арабскую географию

⁷ Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004.

традиционно делят на математическую (или астрономическую) и описательную. Работы авторов первого направления содержат немного информации по истории или этнографии Юго-Восточной Азии, а приводимые в них координаты островов и портов региона часто оказываются бесполезны при определении их места на карте. Большая часть средневековых арабских источников по малайско-индонезийскому региону принадлежит описательной географической традиции, к которой относят и рассказы о путешествиях. Описательные труды, в отличие от математических, содержат значительный объем историко-этнографического материала. В сочинениях географов позднего средневековья нередки примеры соотнесения двух географических концепций и смешения данных, заимствованных из трудов обоих типов.

Автор обращает внимание на разнообразие жанров арабской географической литературы и отсутствие их четкой дифференциации, а также разграничения между ними и негеографическими жанрами. Отмечается близость средневековой географии к истории, когда исторические работы содержат географический материал, а географические труды – исторические рассказы, и присутствие во многих текстах фантастического элемента. Последнее объясняется как их фольклорным происхождением, так и принадлежностью многих текстов к художественной литературе и популяризациям. Беллетризованные сочинения *адабного* типа – энциклопедии и космографии, предназначенные для просвещения образованных городских слоев, составляют значительную часть рассматриваемых источников.

Также подвергается сомнению предложенное Дж. Р. Тиббетсом разделение между сообщениями путешественников и географическими трудами. На непосредственное знакомство с Юго-Восточной Азией претендуют лишь три арабских автора – ал-Мас‘уди, чьи сообщения о регионе являются классической компиляцией и вызывают наименьшее доверие, Абу Дулаф, записки которого сохранились в трудах Йакута и ал-Казвини и, возможно, восходят к китайским источникам, и Ибн Баттута, чьи свидетельства также вызывают определенное недоверие у исследователей. Поскольку рассказы путешественников часто входят в состав компилятивных географических работ, мало отличаются от них по характеру изложения и, в конечном итоге, лежат в основе всех сведений о Юго-Восточной Азии в арабской литературе, обоснованность выделения их в отдельную группу источников представляется спорной.

Второй параграф главы содержит обзор произведений средневековой арабской литературы, содержащих сведения о малайском мире и легших в основу диссертации. Для каждого текста приводятся краткие сведения об авторе и история публикаций, а также место сообщений о Юго-Восточной Азии в структуре произведения; уточняется время создания текста и наличие в нем заимствований из более ранних работ. Обзор представлен в хронологическом порядке, однако оговаривается, что большая часть информации о регионе

восходит к более раннему времени, чем сами тексты, и время создания сочинений позволяет лишь очертить верхнюю границу для датировки интересующих нас сообщений.

Обзор показывает, что основной объем оригинальных материалов по малайско-индонезийскому региону приходится на самые ранние из источников – тексты IX-X вв. Важнейшие из них – анонимные «Известия о Китае и об Индии», «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега и «Чудеса Индии» Бузурга ибн Шахрияра – служат источниками заимствований для многих авторов последующих эпох. «Известия» и «Чудеса Индии», составленные в портах Персидского залива на основе рассказов путешественников, стоят ближе всего к устной традиции. К ней же восходят и отголоски знаний о Малайском архипелаге, дошедшие до нас в цикле о Синдбаде. Классические компилятивные труды IX-X вв. – «Книга путей и стран» Ибн Хордадбега и «Золотые копи» ал-Мас‘уди – создавались с использованием как устных, так и письменных источников и также содержат ценный материал по региону. К сожалению, оба текста сохранились лишь в сокращенных версиях и фрагментах, цитируемых позднейшими авторами. Из прочих источников рассматриваемого периода Ибн ал-Факих и Ибн Руста в значительной мере повторяют «Известия о Китае и об Индии» и работу Ибн Хордадбега, а «Сокращение диковинок и чудес» - ал-Мас‘уди и «Чудеса Индии». Еще одно свидетельство X в. – «Первая записка» путешественника Абу Дулафа – содержит оригинальное описание региона, однако существует вероятность, что она была составлена с использованием китайских источников.

Для XI в. единственным значительным арабским источником по Юго-Восточной Азии выступают сочинения ал-Бируни, который демонстрирует слабое знакомство с регионом и, возможно, приводит в его описании извлечения из индийских работ. Авторы XII в. – ал-Марвази, ал-Хараки – пересказывают устаревшие описания региона и не приводят практически никаких новых сведений. В середине столетия важнейший для истории средневековой географии труд ал-Идриси дает первую подробную арабскую карту Юго-Восточной Азии, составленную под сильным влиянием птолемеевской концепции Индийского океана. Что касается описательной части, то, хотя в работе над другими частями «Книги Рожера» ал-Идриси опирался на сообщения информантов, пассажи о Малайском архипелаге во многом повторяют Ибн Хордадбега. Через труд ал-Идриси свидетельства IX-X вв. попадают в работы цитирующих его авторов последующих веков – Ибн Саида, Абу-л-Фиды и ад-Димашки.

XIII в. представлен крупными энциклопедическими трудами – «Словарем стран» Йакута и «Космографией» ал-Казвини. Оба автора компилируют материал из географических работ предшествующего периода и приводят, в частности, фрагменты записок Абу Дулафа. Писавший в том же веке Ибн Саид заимствует свои представления об островах Индийского океана у ал-Идриси, но предлагает также и оригинальную концепцию географии Суматры, в которой старые топонимы сведены с новыми. Описания Юго-Восточной Азии, составленные Ибн Саи-

дом и ал-Идриси, воспроизводят авторы XIV в. – ад-Димашки и Абу-л-Фида. Через ал-Идриси они заимствуют материал источников IX-X вв. и, таким образом, передают свидетельства почти 500-летней давности. Единственный оригинальный текст позднесредневекового периода, «Путешествие» Ибн Баттуты, завершает список источников XIV в., но в силу своей специфики и объема он рассматривается отдельно в пятой главе. Автор приходит к заключению, что начиная с XI в. арабские описания региона содержат очень немного новой информации, и даже в тех случаях, когда новые сведения в них присутствуют, сложно сказать, происходят ли они из современных автору источников или же из неизвестных нам текстов IX-X вв.

В заключительной части главы ставится вопрос о том, стоит ли считать скудость знаний поздних арабских географов о Юго-Восточной Азии свидетельством упадка арабской торговли и прекращения непосредственных контактов с Китаем и Малайским архипелагом. Китайские источники и эпиграфические памятники никак не отражают этот спад, а начавшаяся в XIII в. исламизация региона подразумевает участие в ней мусульман с Ближнего Востока. Высказывается предположение, что обилие свидетельств об Индии, Китае и Юго-Восточной Азии в сочинениях Аббасидского периода было связано с близостью оживленных торговых портов Персидского залива к столице халифата и центрам литературной жизни. С перемещением дальневосточной торговли в Красное море, а политических и культурных столиц арабского мира – в Египет и Магриб, эта связь, вероятно, была нарушена. Скорее всего, можно говорить лишь о некотором сокращении товарооборота по сравнению с IX-X вв. и его постепенном восстановлении к XIV в., когда монгольские завоевания нарушили сухопутные пути, а мамлюкский Египет стал новым крупным рынком для сбыта дальневосточных товаров.

Все это время знания о берегах Юго-Восточной Азии продолжали накапливаться в среде мореплавателей Южной Аравии, о чем свидетельствует достаточно высокий их уровень, нашедший отражение в лоциях XV-XVI вв. Информация о маршрутах вдоль островов Архипелага передавалась как устно, так и письменно, постепенно складываясь в новую концепцию географии региона, отличную от построений последователей ал-Идриси. После X в. два комплекса арабских представлений о малайско-индонезийском регионе, по-видимому, развивались параллельно – практические знания южноаравийских и персидских капитанов и книжная традиция, формировавшаяся вдали от берегов Индийского океана. Большая часть описаний Юго-Восточной Азии в географических текстах позднего периода составлялась в библиотеках Сирии, Ирака и Магриба почти без обращения к устным свидетельствам и не может, таким образом, отражать действительный уровень арабских знаний своего времени.

В **третьей главе** «География малайского мира в средневековой арабской литературе» рассматриваются средневековые арабские представления о физической и экономической гео-

графии, флоре и фауне региона. Внимание уделяется принципам географических описаний в арабских текстах и причинам топонимической путаницы и смещения некоторых топонимов с течением времени. Отмечается, что, за исключением ал-Идриси и некоторых его последователей, большинство арабских авторов, пишущих о Юго-Восточной Азии, придерживаются описательного стиля повествования и «линейной» географической концепции. Регион описывается с точки зрения наблюдателя, находящегося на земной поверхности, а не смотрящего сверху на карту: порты, острова и страны располагаются друг за другом вдоль морских путей, справа или слева (что, как правило, соответствует южному и северному направлениям), «примыкают» друг к другу. Картина региона, представленного в виде сети маршрутов, соединяющей точки-порты, вполне отражает опыт арабских путешественников, передвигавшихся по нему преимущественно по воде. Для островов и государств указывается их протяженность, но не площадь, а страны представляются не строго очерченными участками земной поверхности, а скорее зонами политического влияния, владениями того или иного правителя.

Одни и те же топонимы нередко обозначают различные типы географических объектов – моря, страны, острова или города, причем островами называют места, таковыми не являющиеся. Распространенной практикой было обозначение морей по названиям стран, которые они омывают; некоторые авторы приводят последовательность морей, омывающих берега Юго-Восточной Азии с запада на восток. Также арабские топонимы, относящиеся к малайско-индонезийскому региону, зачастую совпадают с именами и титулами правителей и названиями пряностей и благовоний.

Автор обращает внимание на сложности, связанные с написанием географических названий и других неарабских терминов и имен. Помимо невозможности передачи некоторых малайских звуков в арабской графике, интерпретация таких слов осложняется также ошибками и вольной редакцией переписчиков. Отсюда происходят периодически возникающая путаница между Занджем и Зāбаджем и такие различия в написании, как Срибуза и Серйра, *фанджаб* и *қанджаб*. Повсеместно встречающееся в арабских текстах смешение топонимики Малайского архипелага с индийской или африканской связано не только с отождествлением разных топонимов из-за их созвучия, но и с унаследованной арабами от Птолемея представлением о сближении берегов Китая и Восточной Африки. Значительную путаницу создает смешение таких топонимов, как Қмār (Кхмер), Қумр (Мадагаскар) и Қамрӯн (Ассам), а также местонахождение островов Ўāқўāқ, которые отождествляют с Японией, островами у восточноафриканского побережья или некоторыми островами Малайского архипелага.

Отмечается, что причины топонимической путаницы стоит видеть не столько в недостаточном знании арабами малайско-индонезийского региона, сколько в компилятивных методах, применявшихся арабскими авторами. Географы, сводившие вместе сведения из всех дос-

тупных им источников, могли объединять рассказы о разных местностях в один по причине созвучия их названий или описывать одно и то же место под различными топонимами. Компилируя материал из текстов разного времени, они помещали современные им названия бок о бок с топонимами, вышедшими из употребления несколькими веками ранее. В результате названия государств, давно пришедших в упадок, раз попав в арабскую географическую литературу, могли передаваться поколениями авторов вплоть до позднего средневековья. Ярким примером попытки соотнести их с более поздними топонимами служит описание Юго-Восточной Азии, данное Ибн Саидом и содержащее новый материал наряду со старым.

В главе дается обзор основных средневековых арабских топонимов, имеющих отношение к малайско-индонезийскому региону. Среди них – острова Махарādжи, Зāбадж, Срибуза, Джāба, Джāўа, Калāх, Қāқула, Рāмнī, Салāхит, Фансūr, Нийāн и др. Для каждого из топонимов приводятся возможные варианты их идентификации и мнения исследователей по этому вопросу. Несмотря на то, что после X в. арабские описания Юго-Восточной Азии передают преимущественно устаревшие сведения, можно видеть, что новые топонимы в них все же появляются и позволяют судить об изменении политических и культурных реалий в регионе и постепенном расширении знакомства с ним арабов. Старые географические названия, как правило, не исчезают и продолжают встречаться в литературе вплоть до конца рассматриваемого периода – в первую очередь, благодаря копированию предшествующих работ. Поэтому сложно судить, были ли эти топонимы по-прежнему в употреблении на момент составления упоминающих их трудов.

По итогам обзора автор заключает, что подавляющее большинство топонимов, циркулировавших в арабском географическом дискурсе о Юго-Восточной Азии на протяжении более чем шести веков, восходит к двум сочинениям IX в. – «Известиям о Китае и об Индии» и «Книге путей и стран» Ибн Хордадбеха, т.е. к самым ранним из известных нам источников. Многие местности упоминаются в обоих текстах, некоторые – лишь в одном из них. Только Қāқула впервые встречается у другого автора IX в. – ал-Йа'куби. Все эти топонимы продолжают использоваться авторами X в., а в XII в. значительная часть их попадает в книгу ал-Идриси, из которой, в свою очередь, их заимствуют некоторые из последующих географов. Новых топонимов ал-Идриси почти не приводит, опираясь, преимущественно, на тексты IX-X вв., и можно предположить, что популярность его труда во многом способствовала закреплению в арабских географических представлениях о Малайском архипелаге топонимики этого периода.

Среди немногих топонимов, появляющихся в арабских свидетельствах о регионе после X в., – Джāўа, Мул Джāўа, Бинтан, Каримата и Малāйур. Примечательно, что все они, за исключением Мул Джāўы (знакомой лишь Ибн Баттуте и персидским авторам), присутствуют в сообщениях Ибн Саида, а некоторые из них он вводит первым. Можно предположить, что Ибн

Саид, в отличие от большинства поздних авторов, имел доступ к современным ему источникам по Юго-Восточной Азии. Если знакомство арабов с Каримата свидетельствует об их продвижении на восток, то поздний топоним Джәәуа отражает скорее замену одного географического понятия другим. С его появлением в арабских текстах из них пропадает Джәба Ибн Хордадбега, и если лингвистические доводы М. Лаффана верны, то Джәәуа представляет собой новую форму этого топонима⁸. Поздним дополнением к арабской топонимике малайского мира представляется также Маләйур Ибн Саида, соотносимый в большей мере со своими аналогами в европейских и китайских источниках, чем с морем Маләйү/ Маләйүиз «Чудес Индии».

Отмечается также, что рассмотренные источники демонстрируют знакомство средневековых арабов, главным образом, с западной частью малайского мира – Суматрой и Малаккским полуостровом. Арабские топонимы для региона локализуются на побережьях и островах вдоль Малаккского пролива и далее на пути в Китай, а также у западного побережья Суматры, куда направлялись экспедиции с Цейлона. Общее представление о севере и западе Суматры и западном побережье Малаккского полуострова (и некоторых островах у восточного) демонстрируют уже тексты IX в., а свидетельства X в. отражают увеличение арабского присутствия в западной части Архипелага, но не продвижение на восток – даже о. Тиоман более не упоминается. Временное прекращение непосредственных контактов с Китаем и концентрация международной торговли в Малаккском проливе, по-видимому, способствовали более тесному знакомству арабов с восточным побережьем Суматры и столицей Шривиджайи. Авторы X в. впервые упоминают Срибузу, которая с этого времени повсеместно фигурирует в описаниях региона наряду с Зәбаджем. Сохранялась также торговля с северо-западными районами Суматры, а со второй половины X в. возобновились плавания из Малаккского пролива в Китай. Дальнейшее расширение арабских знаний об Архипелаге было бы закономерным, однако географы XI-XIV вв. не демонстрируют знакомства с островами к востоку от китайского маршрута. Высказывается предположение, что это связано с отрывом теории от практики, характерным для арабской географии постклассического периода, и отсутствием нового материала в поздних описаниях региона.

Автор выделяет три основных прибрежных зоны, знакомых арабам – северо-запад Суматры, представленный такими топонимами, как Рәмнй/Ләмурй, Фансүр и Нийән; западное побережье Малаккского полуострова, на разных участках которого исследователи ищут Каләх и Қәқулу; и восточное побережье Суматры и область пролива (Зәбадж, Срибуза, Джәба, Саләхит и Маләйур). В то же время, Зәбадж, Джәба, Джәәуа, Мул Джәәуа и острова Махарәджи выступают не сколько топографическими, сколько региональными понятиями, отражающими пред-

⁸ Laffan M. Finding Java: Muslim Nomenclature of Insular Southeast Asia from Śrīvijaya to Snouck Hurgronje. Asia Research Institute Working Paper (University of Singapore), No. 52, Nov 2005. P. 9-11.

ставления об их политической или культурной общности. Некоторые топонимы оказываются привязанными не столько к физическому местоположению на карте, сколько к своей роли как политического центра или центра международной торговли – возможно, этим объясняются предполагаемые перемещения Зāбаджа между Явой и Суматрой, а Калāха и Қāқулы – вдоль побережья Малаккского полуострова. Отмечается также, что для истории региона характерны частые перемещения столиц и центров влияния, и эта нестабильность в сочетании с консерватизмом арабских географов и их стремлением представить статичную картину мира порождают, таким образом, топонимическую путаницу. Автор приходит к заключению, что в арабских описаниях малайского мира географические понятия отражают также политические и культурные реалии.

Четвертая глава «Историко-этнографические сюжеты в средневековых арабских свидетельствах о малайском мире» посвящена историко-культурным реалиям в арабских описаниях региона. В ней приводятся и интерпретируются отдельные исторические и этнографические сюжеты, а также рассматривается комплекс культурных стереотипов и этнографических представлений средневековых арабов о малайских народах.

Выделяется такой важный момент, как расширительное понимание арабами Индии, куда включался также и Малайский архипелаг. Сведения о Юго-Восточной Азии часто можно найти в тех главах географических трудов, которые посвящены «индийским» землям. Это связано с тем, что в раннее средневековье термин *ал-Хинд* («Индия») включал не только Индостан, но и «Индийские острова». Восточные границы Хинда простирались вплоть до Китая, и многие авторы включали в него также и Кхмерское царство. Деление известного мира на царства или области – своего рода культурные зоны – характерно для арабской описательной географии. Таких областей выделяли обычно семь: царства арабов, персов, румийцев, индийцев, турков, зинджей и китайцев. Границы огромной индийской зоны отражали не столько политические, сколько культурные реалии, а между населявшими ее народами не делалось больших различий. Сильное влияние на арабское восприятие Индии-Хинда оказала также античная традиция с ее представлением о нем как о мире чудес, населенном диковинными животными и экзотическими народами. Если в античной литературе речь изначально шла о западных областях собственно Индии, то со временем образ чудесной страны на границах известного мира распространился и на «индийские» острова, где мореплаватели сталкивались со схожими природными условиями и индианизированными культурами.

Большая часть арабских географов помещает острова Малайского архипелага на восточных окраинах *ал-Хинда*, примыкающих к Китаю. По словам ал-Мас‘уди, Зāбадж занимает промежуточное положение между Индией и Китаем, но относится к первой. Ал-Бируни поме-

щает острова Зāбадж на востоке «ближе к пределам Китая», а Абу Дулаф называет Калах началом Индии. Лишь Йакут пишет, что Джāўа – это первая часть Китая, но, в то же время, отмечает, что эта страна похожа на Индию. Калах он, как и Абу Дулаф, помещает на краю Индии, а Зāбадж – «на границе индийских земель... и на границе с Китаем». Географическое положение Юго-Восточной Азии, таким образом, определяется между Индией и Китаем, но ее культурная общность с Индией признается большинством авторов.

Отмечается относительная скудость сугубо исторических сведений в арабских описаниях региона по сравнению со значительно большим объемом материала этнографического характера. Исторический материал по региону в арабских источниках, как правило, сводится к упоминанию о наличии в той или иной местности правителя, зависимости одного государства от другого или их подчинения общему сюзерену. Личные имена правителей почти не встречаются, многократно упоминается лишь титул властителя Шривиджайи – Махарāджа. Единственным описанием исторического события, которое можно найти в арабских текстах до «Путешествия» Ибн Баттуты, является рассказ Абу Зейда и ал-Мас‘уди о карательном походе Махарāджи на Кхмерское царство, отражающий войны Шайлендров с Камбоджей, вероятно, имевшие место в VII-IX вв. Распространенным сюжетом служит также пассаж о пруде с золотыми слитками – сокровищнице Махарāджи.

Автор заключает, что события политической истории Юго-Восточной Азии находят достаточно слабое отражение в арабских источниках, и высказывает предположение, что информация о них доходила до Ближнего Востока с опозданием и не представляла большого интереса для арабских авторов и их читателей. Упоминания о политических реалиях региона, в большинстве своем, отрывочны, а их датировка часто не представляется возможной. Как правило, они служат частью статичного географо-этнографического описания, скомпилированного из сведений, накопленных за значительный промежуток времени. Хронологический аспект, таким образом, не играет важной роли в повествовании, и в задачу автора не входит последовательное описание каких-либо исторических событий. Рассказы о богатстве и обширности Шривиджайи – достаточно длительного явления в малайской истории – занимают важное место в свидетельствах источников IX-X вв. и копирующих их позднейших авторов. Однако быстро менявшиеся исторические условия региона, по-видимому, не успевали проложить свой путь в арабскую литературу. Какие-то выводы можно делать на основе появления в арабских трудах новых топонимов, однако нужно учитывать, что компилятивный характер этих текстов способствовал и сохранению в них названий давно исчезнувших политических образований, и смешению информации о разных государствах.

Гораздо более яркое отражение в арабских текстах имеет история торговых связей Малайского архипелага и Малаккского полуострова с другими странами. Весь корпус арабских

знаний о регионе служит памятником этих контактов и важнейшим источником по истории проникновения арабов в Юго-Восточную Азию. Торговля была важнейшим стимулом для путешествий, она же занимает центральное место в сообщениях об Архипелаге – описания торговых путей и перечни товаров составляют значительную их часть. Арабские источники содержат также свидетельства о временном сокращении маршрутов арабских судов до Малаккского пролива после событий 879 г. в Гуанчжоу.

В главе выделяются и по возможности интерпретируются отдельные историко-этнографические сюжеты, содержащиеся в арабских свидетельствах о малайском мире. Этнографический материал представлен как рассказами об отдельных обычаях, так и комплексными описаниями жителей той или иной области, содержащими сведения об их внешнем облике, одежде, пище и религии. Интерес представляют, в частности, рассказы об охоте за головами на Ниасе, поселениях на плотках на Восточной Суматре, пиратстве в Малаккском проливе, буддийских храмах, испытании огнем, петушиных боях, музыкальных инструментах, культе вулканов и пр. Многие сюжеты находят параллели в других источниках и современной действительности и свидетельствуют о близком знакомстве арабов с регионом. Кроме того, сам выбор дошедших до нас рассказов позволяет судить о том, какие обычаи или особенности быта малайских народов, по той или иной причине, привлекали внимание арабских путешественников. Обращает на себя внимание двойственность образа островной Юго-Восточной Азии в арабской литературе: географы сообщают о несметном богатстве Махараджи и его огромном флоте, о многочисленном населении его страны, множестве городов и сел, об оживленной торговле и развитии земледелия, о храмах и статуях, и в то же время пишут о каннибалах и нагих туземцах, которые прячутся в зарослях «подобно диким зверям».

Рассмотренные сюжеты демонстрируют, что этнографический материал достаточно ярко представлен в средневековых арабских свидетельствах о малайском мире. Поскольку временной фактор не играет важной роли в арабских описаниях региона, и исторические рассказы представлены в них довольно скудно, именно этнографические сюжеты открывают основное поле для интерпретации этих текстов. Они представляют интерес с точки зрения исторической этнографии – как источник по истории культуры малайского мира и, в некоторых случаях, как вспомогательный материал при идентификации спорных топонимов. В то же время эти сюжеты поднимают и вопрос о месте народов Архипелага в арабском этнографическом дискурсе, имеющий значение для понимания уже не малайской, а арабской средневековой культуры.

Этнографические представления арабов еще недостаточно изучены. В светской городской культуре средневекового Ближнего Востока они составляли часть *адаба* – более широкого дискурса, включавшего также историю, географию и беллетристику и служившего средством утверждения собственной культурной идентичности. Осознание себя происходило через проти-

вопоставление образу другого, на которого проецировались черты, образованные путем инверсии – чужим народам приписывалось нарушение культурных и социальных норм, а иногда и противоестественный физический облик – собачьи головы, рыбы плавники и т. п. В комплексе представлений, унаследованных арабами от античных авторов, кривым зеркалом и антимиром была Индия, а с расширением известного мира на восток частью индийского дискурса стал и Малайский архипелаг.

В арабской средневековой литературе его образ складывался на основе рассказов путешественников IX-X вв., которые постепенно приобретали вневременную форму. Сообщения очевидцев об экзотических обычаях и богатстве флоры и фауны подтверждали представления о стране чудес и интерпретировались в контексте уже существовавших фольклорных сюжетов и культурных стереотипов. Установление более тесных контактов между Ближним Востоком и Индией и включение ее в орбиту мусульманского мира способствовали вытеснению наиболее фантастических сюжетов в ее восточные области и к границам с Китаем. В результате островную Юго-Восточную Азию, как и другие крайние пределы мира, стали населять мифическими существами и легендарными правителями.

Образ региона в арабских текстах средневековья нельзя назвать целостным. Малайским народам достаточно долго не находилось места в арабской этнологической классификации – их не выделяли в отдельную группу и относили к общей категории «индийцев». При этом их также сближали, а иногда и смешивали с африканскими народами, что было связано как с жарким климатом островов и темным оттенком кожи некоторых их жителей, так и с географической концепцией, соединявшей берега Африки и Китая. Если индийцы, наряду с китайцами, считались достигшими высокого уровня цивилизации, то народам крайнего юга приписывались всевозможные проявления дикости – маркеры антикультуры: нагота, каннибализм, отсутствие жилищ, ремесел, денежного обращения, религии, законов. С этой точки зрения на народы островной Юго-Восточной Азии распространялись этнические стереотипы, связанные с представлением о Средиземноморье как о центре цивилизации и постепенном усугублении варварства по мере удаления от него на юг и на север. Стереотипы подкреплялись географическим детерминизмом, объяснявшим внешний облик и темперамент южных народов климатическими, а иногда и астрологическими факторами.

В заключительной части главы автор приходит к выводу, что образ Малайского архипелага в средневековой арабской литературе формировался на основе как универсальных черт, приписывавшихся народам, населявшим пограничные области известного мира, так и действительных наблюдений путешественников. Культурные стереотипы и эстетика чудесного и диковинного сочетаются в ней с реалистичными и подробными этнографическими описаниями. Отмечается, что в классический период развития географической литературы малайский мир не

воспринимался арабами как единая культурная общность, а представлялся скорее промежуточной зоной между Индией и африканскими землями, цивилизацией и дикостью. Отсюда проистекает двойственное изображение народов Архипелага арабскими авторами, подкреплявшееся, в то же время, и свидетельствами очевидцев, которые сталкивались с разными типами обществ – как с высокими индианизированными культурами Шривиджайи и ее вассальных княжеств, так и с племенами охотников, собирателей и ранних земледельцев.

Обращается внимание на перемены в восприятии арабами малайского мира, наметившиеся к XIV в.: Йакут первым упоминает топоним Джәўа, а Ибн Баттута уже активно употребляет *ал-джәўй* как этноним, передающий собирательный образ народов региона и отражающий осознание их общности. С появлением этого термина, обусловленным набравшей ход исламизацией малайского мира, происходит постепенное замещение представлений о нем как о загадочной стране чудес и пряностей новым образом Джәўы как периферии расширяющегося мира ислама. Однако дальнейшее распространение и утверждение этнонима *ал-джәўй* в арабской картине мира приходится уже на последующие эпохи, выходящие за рамки настоящей работы.

В пятой главе «Путешествие» Ибн Баттуты как историко-этнографический источник по малайско-индонезийскому региону» отдельно рассматривается единственное оригинальное арабское свидетельство о малайском мире для позднесредневекового периода. Ибн Баттута (1304-1368) – один из немногих арабских авторов, оставивших описания своих путешествий через Юго-Восточную Азию. Его сообщения выделяются среди прочих арабских свидетельств о регионе как характером изложения, так и обилием историко-этнографического материала. Малайские главы «Путешествия» не содержат заимствований из известных нам предшествующих работ и, таким образом, оказываются в какой-то мере оторванными от других источников XIV в., продолжающих восходящую к X в. классическую традицию. Несмотря на небольшой объем и сложности в восстановлении хронологии и маршрута, сообщения путешественника служат ценным источником по истории региона.

Предполагается, что в 1345-1347 гг. Ибн Баттута совершил плавание из Индии в Китай и обратно через Малаккский пролив, посетив по дороге порты Суматры и Малаккского полуострова. Реальность этого путешествия продолжает вызывать недоверие исследователей, однако его фальсификация до сих пор не была доказана. Рассказы Ибн Баттуты подтверждаются китайскими источниками и сообщениями Марко Поло, а также содержат ряд этнографических деталей, свидетельствующих о его знакомстве с регионом. Возможным объяснением путаницы с маршрутом путешественника служит то, что некоторые его сообщения стоят в тексте в неверном порядке, а часть исходного материала была утеряна. Следует учитывать также, что принад-

лежность «Путешествия» к жанру *рихла* ставит его ближе к художественному произведению, чем к научной географии, и допускает наличие в нем определенной доли вымысла.

В главе приводится текст избранных фрагментов «Путешествия», снабженный подробным историко-этнографическим комментарием. Рассматриваются два пункта на пути Ибн Баттуты, имеющие отношение к малайско-индонезийскому региону, – Самудра на Северной Суматре и Қақула на побережье Малаккского полуострова. В рассказах о Самудре находят яркое отражение придворные порядки этого султаната. Интересны описания торжественного приема во дворце, обряда одаривания одеждой и свадьбы сына султана, а также исторический рассказ о мятеже. Некоторые из описанных Ибн Баттутой реалий были широко распространены в странах средневекового Востока, тогда как другие характерны именно для государств Малайского архипелага, а упоминания о них можно найти в малайских хрониках. Путешественник сообщает ряд деталей, касающихся форм приветствия и этикетных норм, семейно-брачных отношений, построек и интерьеров, традиционного костюма, пищи и употребления бетеля. Все это представляет собой богатый этнографический материал, находящий подтверждение в малайских хрониках и современной этнографической действительности.

Малайские главы «Путешествия» Ибн Баттуты ставят перед исследователями ряд вопросов, остающихся неразрешенными. В первую очередь, это проблемы восстановления маршрута путешественника через Малаккский пролив и идентификации топонимов Қақула и Мул Джәйә. Также остается неясным, о каком султани Самудры идет речь в «Путешествии», поскольку годы правления упоминаемого Ибн Баттутой Мухаммада Малика аз-Захира (ум. 1326 г.) не совпадают по времени с визитом путешественника. Вероятным объяснением служит то, что Ибн Баттута встречался с султаном Ахмадом (1326-1406), унаследовавшим имя отца как династический титул. Среди возможных причин указываются также неточности и расхождения в генеалогии правителей Самудры-Пасая, известной из малайских источников – эпиграфических памятников, исторических хроник и устной традиции. Также высказывается предположение, что несовпадение по времени между визитом путешественника и годами правления Малика аз-Захира с большой вероятностью можно было бы объяснить заимствованием рассказа об этом султани из неизвестного нам письменного или устного источника.

Автор обращает внимание на то, что присутствие плагиата в других главах «Путешествия» установлено и было продемонстрировано рядом исследователей. Рассказ о Малике аз-Захире соответствует схеме, неоднократно используемой Ибн Баттутой в индийских главах сочинения – сначала приводится общая информация о султани или везире, заимствованная из чужого текста, а затем – описание личной встречи с ним путешественника. Сведения о Малике аз-Захире, таким образом, могут восходить к более раннему источнику, что не исключает встречи путешественника с его преемником. Обилие в тексте этнографических деталей свидетельствует,

все же, в пользу личного знакомства Ибн Баттуты с малайским миром. О том, в какой мере – полностью или частично – могло быть заимствовано описание Самудры в «Путешествии» Ибн Баттуты, можно говорить лишь в случае обнаружения его источника.

Гораздо больше вопросов вызывают смешанные друг с другом сообщения о Мул Джәйе и Қәқуле. Рассказы о пряностях в них выглядят инородной вставкой и содержат характеристики растений, в ряде случаев не соответствующие действительности. За вычетом этого отступления, свидетельства Ибн Баттуты о Мул Джәйе и Қәқуле представляются куда более скудными, чем его рассказ о Самудре, и лишены подробного описания пребывания путешественника в тех местах. Тот факт, что ряд сюжетов из секции о Мул Джәйе (сообщения о лошадях, обычай султана сидеть на земле и ритуальном самоубийстве) и, возможно, примыкающий к ней рассказ о мятеже в Самудре перекликаются со свидетельствами Марко Поло о Ма'баре, свидетельствует о возможном плагиате. Если допустить, что эти рассказы были перенесены из одного места в другое с целью маскировки заимствования, то они могут не иметь отношения к Юго-Восточной Азии.

Автор приходит к выводу, что оригинальность свидетельств Ибн Баттуты о малайско-индонезийском регионе вызывает сомнения, однако подчеркивает, что нельзя говорить о заимствованиях до тех пор, пока не известны их источники. Высказывается предположение, что в случае с рассказом о Малике аз-Захире таким источником могло бы стать сообщение ближневосточного или индийского факиха, побывавшего на Суматре в первой четверти XIV в. В случае подтверждения этой гипотезы сообщения путешественника о регионе следовало бы рассматривать не как свидетельство очевидца, а в качестве традиционной для арабской описательной географии компиляции сведений из нескольких источников, одним из которых могли быть и рассказы самого Ибн Баттуты. Подчеркивается, тем не менее, незначительное влияние этого допущения на историко-этнографическую ценность «Путешествия» как источника по Юго-Восточной Азии.

В заключении автор подводит итоги исследования и суммирует выводы, сделанные в отдельных главах.

- В диссертации были собраны извлечения из арабских текстов IX-XIV вв., содержащих свидетельства о малайско-индонезийском регионе. Многие из них впервые переведены на русский язык. Прделанная работа может послужить основой для создания свода средневековых арабских источников по истории островной Юго-Восточной Азии.

- Сообщения арабских авторов охватывают раннесредневековый период в малайской истории, слабо освещенный в других источниках. Важнейшее значение они имеют для изучения истории региона в IX-X вв., на которые приходится расцвет Шривиджайи. Для позднего сред-

невековья особый интерес представляют свидетельства Ибн Баттуты, отражающие возвышение портовых княжеств Северной Суматры.

- Рассмотренные тексты представлены произведениями различных жанров, однако большая часть их относится к категории описательной географии. Специфику этой группы сочинений составляют компилятивность и отсутствие четкой грани между фактами и вымыслом. Указанные особенности средневековой литературы значительно затрудняют датировку и оценку достоверности отдельных сообщений. Определенные сложности связаны также с искажением оригинального текста сочинений, имен и топонимов в результате редактуры и переписки.

- Основной объем материалов по малайско-индонезийскому региону содержится в текстах IX-X вв., которые служат источниками заимствований для авторов последующих веков. Единственным оригинальным свидетельством после XI в. является «Путешествие» Ибн Баттуты. Отсутствие новой информации о Юго-Восточной Азии в арабских источниках XI-XIII вв. объясняется в большей мере переориентацией торговых путей и изменением политической обстановки на Ближнем Востоке, чем упадком торговых связей между двумя регионами.

- Средневековая арабская топонимика демонстрирует знакомство арабов преимущественно с западной частью региона – северо-западным и восточным побережьями Суматры и западным побережьем Малаккского полуострова. В большинстве случаев проблемы идентификации топонимов остаются не до конца решенными. Для многих из них характерно отсутствие фиксированного местоположения на карте и постепенное его смещение под влиянием политических, экономических или культурных факторов.

- Поздние тексты отличает сохранение устаревшей топонимики наряду с современной, незначительное число новых топонимов и отсутствие свидетельств расширения арабских знаний о регионе на восток. Последнее объясняется отрывом теории от практики, характерным для арабской географии после XI в., и можно предположить, что рассмотренные источники не отражают действительных знаний своего времени.

- Арабские описания региона содержат сведения о физической географии, флоре и фауне Малайского архипелага и Малаккского полуострова, полезных ископаемых и пряностях, служивших предметом торговли, а также значительный объем историко-этнографического материала.

- Временной фактор не играет существенной роли для арабских географов, и сугубо исторические сведения представлены в их свидетельствах о малайском мире достаточно скудно. Во всем корпусе текстов можно найти лишь несколько исторических рассказов, как правило, не датированных. Материалы этнографического характера представлены комплексными описаниями народов малайско-индонезийского региона и рассказами об отдельных обычаях.

- В настоящем исследовании основное внимание было уделено историко-этнографическим сюжетам, представленным в арабских описаниях малайско-индонезийского региона. Эти сюжеты были, по возможности, проинтерпретированы на основе сопоставления с другими письменными и этнографическими источниками.

- Рассмотренные материалы позволяют судить о восприятии средневековыми арабами населения региона и его культуры. Эти представления являют собой смесь действительных наблюдений путешественников с универсальными культурными стереотипами. В раннесредневековый период малайским народам не находилось самостоятельного места в арабском этнологическом дискурсе, однако к XIV в. происходит выделение их в отдельную группу, известную под этнонимом *ал-джайй*.

- Значительный объем историко-этнографических материалов содержит «Путешествие» Ибн Баттуты. Для позднесредневековой эпохи в малайской истории оно является единственным предположительно аутентичным арабским источником, не восходящим к классическим трудам IX-X вв. и в какой-то мере дистанцированным от основной традиции арабской описательной географии. Тем не менее, оригинальность сообщений путешественника вызывает определенные сомнения. Поиск возможных источников заимствования для малайских глав «Путешествия» Ибн Баттуты может составить отдельную исследовательскую задачу.

Приложение содержит перевод извлечений из источников, взятых за основу представленной работы. Переводы были по возможности выполнены автором по наиболее авторитетным изданиям арабских текстов сочинений. В случаях, когда арабский текст оказался недоступен, отрывки воспроизводятся по западноевропейским переводам источников. Лишь в нескольких случаях используются ранее изданные переводы на русский язык.

АПРОБАЦИЯ

Положения настоящего исследования легли в основу выступлений автора на следующих конференциях:

«Актуальные проблемы теории и истории искусства» (Исторический факультет СПбГУ, декабрь 2010 г.), Маклаевские чтения (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, апрель 2011, 2012, 2013 и 2014 г.), Радловские чтения (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, февраль 2012 г.), «Письменные памятники Востока. Проблемы интерпретации и перевода» (ИВ РАН, Москва, октябрь 2013 и 2015 г.), Конференция начинающих арабистов (ИВР РАН, Санкт-Петербург, май 2014 г.), «The Authors, Editors and Audiences of Medieval Middle Eastern Texts» (Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge, сентябрь 2014 г.).

По теме исследования вышли следующие публикации

В периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

Янковская А.А. Топоним Какула в «Путешествии» Ибн Баттуты и других арабских источниках // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2013. Вып. 2. С. 49–54.

Ибн Баттута на Суматре и Малаккском полуострове / Вступ. ст., пер. с араб. яз. и коммент. А. А. Янковской // Восток (Oriens). 2014. №3. С. 126-137.

Янковская А.А. Средневековые арабские источники по малайско-индонезийскому региону // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2014. Вып. 3. С. 47-53.

В других изданиях:

Янковская А.А. Сообщения арабского путешественника XIV в. Ибн Баттуты о Малайском архипелаге: проблема интерпретации источника // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник статей. Т. 1. СПбГУ, 2011. С. 292-297.

Янковская А.А. Придворный этикет султаната Самудра-Пасай в «Путешествии» Ибн Баттуты // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб, 2012. С. 404–408.

Янковская А.А. География бетеля в «Путешествии» Ибн Баттуты // Бетель, кава, кола, чат. Жевательные стимуляторы в ритуале и мифологии народов мира. СПб: МАЭ РАН, 2015. С. 32-41 (Маклаевский сборник. Вып. 5).